

ского). Структура обряда как соединение трех разных кодов: вербального, реального и акционального — становится предметом семиотического рассмотрения; его реконструкция проводится с помощью сравнительно-исторического метода, а типологическое описание позволяет обнаружить параллели в разных культурах (см., например, № 94, 124, 127, 152, 154).

Особо нужно остановиться на семантических методах исследования в работах Н. И. Толстого. Интерес к семантике всегда выводит языковеда за пределы чистой лингвистики. Глубокое описание языковых факторов методом семантического поля с выделением семантических дифференциальных признаков, проведенное на материале славянской географической лексики и теоретически обоснованное в работах № 29, 48, 57, 61, 80 и др., явилось образцом для описания других элементов духовной культуры. Для представления же результатов семантического исследования элементов духовной культуры может быть использована классическая лингвистическая форма — словарь. Описанию семантической структуры словаря духовной культуры Полесья был посвящен доклад Н. И. и С. М. Толстых на IX Международном съезде славистов в Киеве в 1983 г.⁶

Терминология для Н. И. Толстого — это прежде всего оформленность научных понятий, являющихся инструментами описания. Именно поэтому введение новых, трансформация и уточнение старых, перенос понятий из одной области в другую — все это становится в работах Н. И. Толстого предметом специального рассмотрения. Как отмечает ученый, возможность использования одинаковых понятий и методов исследования в лингвистике и этнографических науках определяется тем, что язык является составной частью культуры и что на языковые и культурные феномены можно смотреть как на семиотические, описываемые при помощи одного и того же логического аппарата (№ 135)⁷. Лингвистика и семиотика выступают по отношению к гуманитарным наукам как эталоны наук, исследующих знаковые системы в синхронии и диахронии и снабжают эти науки соответствующим языком. Важно, однако, чтобы заимствованное понятие не было чистой метафорой, в которую затем будет вложено другое содержание. Для этого нужно структурное подобие предметов исследования. Именно из структурного подобия предметов исходит Н. И. Толстой, когда рассматривает синонимию в обряде, представленном как текст, или когда предлагает ввести в описание явлений культуры понятие нормы или пракультуры (по аналогии с праязыком). В связи с этим безусловный интерес представляет указатель терминов, включенный в «Библиографию». Он содержит 134 термина с указанием номеров работ, где они встречаются. Правда, неясно, по какому принципу отбирались термины. Скорее всего по принципу их значимости и употребительности в работах, независимо от того, введен ли термин самим Н. И. Толстым (например, *амплитуда колебания лексем*) или является общепринятым (*семантическое поле, сема*). Однако неужели термин *этнолингвистика* встречается только в одной статье (см. с. 97)?

Библиография кончается описанием работ, вышедших в первой половине 1982 г. С тех пор издано еще несколько работ Н. И. Толстого и книг, написанных с его участием, которые показывают результаты и перспективы возглавляемого им направления. Выше мы указывали некоторые из них. Здесь я упомяну только одну книгу — «Полесский этнолингвистический сборник», содержащий уникальный материал, собранный и структурированный в соответствии с детальной этнолингвистической программой, разработанной Н. И. Толстым и его учениками. Значение этой публикации трудно переоценить. Она обогащает не только славистику, не говоря уже о том, что, ориентированная на Полесье, опубликованная программа прекрасно «работает» на русском Севере, Урале, Сибири. Лингвисты, этнографы, фольклористы — специалисты по разным языковым культурам найдут в этом сборнике изложение четкой и эффективной методики исследования народной культуры⁸.

Мы попытались показать, что персональная библиография — жанр безусловно полезный во многих отношениях. Будем надеяться, что, удачно начатый, он будет достойно продолжен.

С. Е. Никитина

⁶ Толстые Н. И. и С. М. Принципы, задачи и возможности составления этнолингвистического словаря славянских древностей. — В кн.: IX Международный съезд славистов. Славянское языкознание. М., 1983.

⁷ См. также: Толстой Н. И. Диалектология в этнолингвистической перспективе. — В кн.: Системные отношения в лексике севернорусских говоров. Вологда, 1982.

⁸ Полесский этнолингвистический сборник. Материалы и исследования. М.: Наука, 1983.

Р. С. Липец. Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984, 262 с.

Книга Р. С. Липец продолжает серию ее работ, посвященных анализу реалий эпического текста, охватывающих как главные образы, так и предметы материальной культуры. Тема эта уже породила огромную литературу, различную и по характеру подхода к ее изучению, и по качеству исполнения. Привлекательной особенностью рецензируемой книги является то обстоятельство, что ее автор, будучи высокоэрудиро-

ванным исследователем, почти не обращается к этой литературе, предпочитая быть свободным от сложившейся литературной традиции и внимательно исследовать эпические сюжеты как таковые, сопоставляя время эпоса у разных тюрко-монгольских народов и выявляя сходство и различия между ними. Рассматриваемый материал, таким образом, извлекается из опубликованных текстов эпических памятников, так сказать, в чистом виде, без каких-либо инородных примесей, тут же подвергается анализу, сопровождается научным комментарием, и в результате мы располагаем сводкой данных по соответствующей теме, опирающейся на объективный отбор этих данных и сопровождающейся их довольно подробным изложением.

Образ богатыря и его коня является одним из центральных в эпосе кочевых народов Средней, Северной и Центральной Азии, им и их подвигам посвящены многие красочные страницы, поэтому систематизировать содержание этих страниц — задача достаточно трудная, хотя и в высшей степени благодарная. Ведь и богатырь, и несущий его конь — многоликие образы, характерные, как показали результаты многих соответствующих исследований, для эпохи распада родовых связей и складывания начальных предгосударственных и государственных образований, они несут на себе еще печать прошлого (конь — тотем или покровитель рода), но в то же время устремлены в будущее (богатырь — участник княжеской или ханской дружины). Это не только полностью осознается автором, но и точно им демонстрируется искусным подбором отрывков из эпоса разных народов. В этих отрывках показываются почти все жизненные позиции и обстоятельства, в которые попадает богатырь, его атрибуты как эпического персонажа, многие из его действий. Пожалуй, только подвиги богатырей неоправданно оставлены автором почти без рассмотрения, а жаль — в них видны многие черты физического и психического облика богатыря, лишь бегло намеченные или даже едва угадываемые в его поведении при других обстоятельствах.

Удача исследования во многом определяется фактическим материалом, сконцентрированным на его страницах. Суммированы данные эпоса среднеазиатских народов, использован эпос тюрков Алтае-Саянского нагорья и якутский, привлечены монгольские эпические тексты. Каждая рассматриваемая особенность внешнего вида и поведения богатыря и его коня опирается не на отдельные фразы или отрывки из какого-нибудь одного эпоса, но иллюстрируется и подкрепляется всей полнотой находящихся в распоряжении автора текстовых фактов; эпические версии разных народов при этом перекрестно проверяются и взаимно дополняют друг друга. Таким образом, в книге Р. С. Липец мы получили подробный обзор данных о двух персонажах героического эпоса тюрко-монгольских народов, занимающих в нем едва ли не центральное место.

Полагаю, что значение такого обзора особенно велико в настоящее время, когда и в общен исторической, и в специальной этнографической литературе обострился интерес к формам перехода от доклассового общества к классовому, к тем конкретным процессам имущественной дифференциации, военной организации и организации власти, которые сопровождали этот переход. Все проведенные до сих пор исследования конкретных обществ, находившихся или находящихся на стадии распада первобытно-родовых отношений, демонстрируют с полной очевидностью исключительное многообразие вариантов развития, сопутствующих распаду первобытного общества и вызреванию государственной власти и классовообразования¹. Авторы исследований, посвященных этой важнейшей исторической проблеме, широко используют этнографический материал, письменные источники в тех случаях, когда они дают соответствующую информацию, иногда обращаются к европейской политической истории, рассматривая общество норманнов и скандинавские саги, но практически никогда не прибегают к эпосу тюрко-монгольских народов, возможно потому, что необходимые данные разбросаны по десяткам изданий. Сейчас трудности остались позади, и можно надеяться, что эти данные займут почетное место в общей панораме источников, освещающих период распада родовых связей, выделения в фольклоре образа богатыря и трансформации этого образа в одного из главных персонажей зарождающейся государственной власти.

При чрезвычайно высокой оценке рецензируемой книги и как конкретного фольклорно-этнографического исследования, и как сводки данных, представляющих общен исторический интерес, не могу не отметить, что было бы желательно видеть в ней сравнительный материал, почерпнутый за пределами тюрко-монгольского эпоса. Речь идет о сопоставительной трактовке собранных данных, попытках сравнения образа богатыря и его коня, скажем, с иранскими сюжетами, где оба они охарактеризованы достаточно богато, или, например, с кавказским материалом. В двух последних случаях речь идет об эпосе, вызревавшем в иной общественной среде, но сравнение именно в этих обстоятельствах и могло бы дать интересные и, главное, неожиданные результаты. Вызывает сожаление и отсутствие заключения, где мог бы быть подведен итог рассмотрению всех частных тем, которые прошли перед читателем в ходе изложения.

В. П. Алексеев

¹ Красноречивые примеры этого см. *Куббель Л. Е.* Этнические общности и потестарно-политические структуры доклассового и раннеклассового общества. — В кн.: *Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе.* М.: Наука, 1982.